

Есть также совсем небольшая и потому статистически плохо прослеживаемая группа общих для Северной Америки и Патагонии приключенческо-трикстерских мотивов – *Магическое бегство* (D672, D673), *Катящийся камень*, который преследует трикстера или героя (R261), *Инцестуозный родитель* (T411.1.1). Неслучайность совпадений подтверждается наличием в патагонских мифологиях высокоспецифичных мотивов группы А, связанных с мифом о споре зверей и птиц относительно продолжительности темного и холодного времени года (суток) при уподоблении числа таких единиц (месяцев или часов) числу пальцев, шерстинок, полосок на теле и т.п. Это один из характернейших североамериканских мифов [Берёзкин, 2003а, с. 256; Berezkin, 2002, р. 9]. Менее детальные, но несомненные параллели прослеживаются в алтайском и хакасском фольклоре [Анохин, 1997, с. 14–15; Трояков, 1995, с. 48–49].

Появление “североамериканских” мотивов на юге Южной Америки можно датировать либо финальным плейстоценом (распространение палеоиндейских индустрий с наконечниками типа фелл, явно восходящих к североамериканским прототипам [Берёзкин, 2003а, с. 229]), либо ранним голоценом, когда на территории от центральных районов Горного Перу до Патагонии распространялись листовидные и подтреугольные наконечники. Происхождение данных мотивов неизвестно, но развитие из палеоиндейских не выглядит вероятным. На юге Южной Америки область распространения “североамериканских” мотивов совпадает точнее с ареалом раннеголоценовой, а не финальноплейстоценовой культурной общности. Проникновение людей из Северной Америки на юг Южной позже 8 000 л.н. маловероятно, ибо вряд ли это осталось бы незамеченным лингвистами. Похоже, что 8–10 тыс. лет и есть тот предел, за которым былое сходство приключенческо-трикстерских эпизодов в случае дальнейшего независимого развития традиций становится маловероятным. Так, мотивы группы Б, которые связывали бы Австралию – Меланезию с Америкой, очень мало, а имеющиеся описывают aberrантное сексуальное и социальное поведение [Берёзкин, 1999] и, возможно, должны быть отнесены к числу этиологических. В целом же папуасские и особенно австралийские тексты американисту кажутся чужими и странными, поскольку в них нарушена та последовательность эпизодов, которая обычна для текстов как индейцев и эскимосов, так и народов Сибири.

Как уже отмечалось, в базу данных были включены сведения по древнегреческой мифологии. Оказалось, что статистические индексы, характеризующие наборы мотивов группы А в мифологии Древней Греции и в текстах, недавно записанных в Турции и Курдистане, примерно одинаковы (см. рис. 1). Это означает, что несмотря на кардинальные культурные изменения, про-

изошедшие в Малой Азии и Эгейиде за последние 2 тыс. лет, мифологическая картина мира во многом осталась прежней. Разумеется, речь идет лишь о положении данных комплексов в глобальной перспективе и лишь об одной из тенденций, проявляющейся именно при подобном глобальном подходе. Что же касается сдвига этайско-передневосточных космологий к меланезийско-южноамериканскому полюсу, то его, возможно, следует истолковывать как сохранениенейтральных, относительно ранних признаков. В таком случае центральноевразийско-североамериканский комплекс мотивов можно рассматривать как относительно поздний и “прогрессивный”, а меланезийско-южноамериканский – как наиболее ранний и “архаический”.

Список литературы

- Анохин А.В.** Легенды и мифы седого Алтая. – Горно-Алтайск: Мин-во культуры Республики Алтай, 1997. – 40 с.
- Берёзкин Ю.Е.** Анатомия любви: архаические и “прогрессивные” мотивы в мифологиях циркумтихоокеанского региона // Астарта. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. – Вып. 1: Культурологические исследования из истории Древнего мира и средних веков: проблемы женственности. – С. 159–190.
- Берёзкин Ю.Е.** О путях заселения Нового Света: некоторые результаты сравнительного изучения американских и сибирских мифологий // Археол. вести. – 2003а. – Вып. 10. – С. 228–285.
- Берёзкин Ю.Е.** Южносибирско-североамериканские связи в области мифологии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003б. – № 2 (14). – С. 94–105.
- Берёзкин Ю.Е.** Трикстер как серия эпизодов // Тр. факультета этнологии. – СПб: Европ. ун-т в Санкт-Петербурге, 2004. – С. 98–165.
- Зайцев А.И.** К вопросу о происхождении волшебной сказки // Фольклор и этнография. У этнографических источников фольклорных сюжетов и образов. – Л.: Наука, 1984. – С. 69–77.
- Трояков П.А.** Мифы и легенды хакасов. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 1995. – 183 с.
- Шкуркин П.В.** Корейские сказки. – Шанхай: Слово, 1941. – 253 с.
- Berezkin Y.E.** Some results of comparative study of American and Siberian mythologies: applications for the peopling of the New World // Acta Americana (Stockholm – Uppsala). – 2002. – Vol. 10, N 1. – P. 5–28.
- Hatt G.** The corn mother in America and in Indonesia // Anthropos. – 1951. – Vol. 46, N 5/6. – P. 853–914.
- Lukes S.** Émile Durkheim, his Life and Work; a historical and critical study. – L.: Penguin Press, 1973. – 676 p.
- Price B.J.** Cultural materialism: a theoretical review // American Antiquity. – 1982. – Vol. 47, N 4. – P. 709–741.
- Thompson S.** Motif-Index of Folk Literature. – Copenhagen; Bloomington: Indiana University Press, 1955–1958. – Vol. 1–4.

УДК 391

А.Ю. Майничева

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: ketcup@academ.org*

СЕМАНТИКА ПЕЩЕРНЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ СИБИРИ*

Введение

Оживление в последнее время в России проектирования и возведения новых храмов, наряду с необходимостью реконструкции и реставрации уже существующих, сделали актуальным вопрос о традиционности в русском церковном зодчестве, что потребовало проведения исследований для глубокого осмыслиения семантических особенностей православных храмовых сооружений.

Значение пещерных православных храмов Сибири обусловлено парадоксальной двойственностью: с одной стороны, пещерные церкви как целостные сооружения – в настоящее время уникальное и практически утраченное явление, а с другой – в качестве части культовых зданий они не просто распространены, но в трансформированном виде присутствуют в любой церкви, поскольку канонизированный православием чин закладки предусматривает устройство в алтаре подобия пещерной церкви.

Современные сибирские пещерные церкви

Недалеко от г. Омска расположен Ачаирский Крестовый женский монастырь, разрушенный в 1930-х гг.,

а ныне возрожденный (рис. 1). Один из приделов Свято-Успенского собора является пещерным храмом и освящен во имя Живоносного Креста и Страстей Господних. В данном случае название “пещерный” имеет скорее условный характер и указывает на местоположение одного из алтарей под основным зданием в неотапливаемом помещении. Подобные храмы появились в Сибири в XVIII в., когда в нижних холодных этажах церквей стали размещать престолы. Ранее подклетное пространство обычно использовалось для хозяйственных целей или в качестве жилища. Внешне наличие приделов в пещерном храме находило отражение в количестве глав алтарной части. Например, в Спасской церкви с. Илимского, построенной в 1787 г. и разрушенной в 1930-х гг. (рис. 2, 3), алтарь имел две главы, поскольку на поземном уровне было два придела – Алексеевский и Рождественский [Калинина, 2000, с. 262].

Пещерные культовые комплексы начала XX в., которые состояли в недавнем прошлом из возведенной над святым источником храмовой постройки и обширной подземной части, удалось обнаружить Г.В. Любимовой на Алтае рядом с селами Среднекрасилово и Жуланиха [2001]. По своему внутреннему убранству, конфигурации ходов, галерей и лабиринтов, а также по расположению келий и технике создания куполообразных помещений они представляли собой подобие Киево-Печерской лавры. По сообщениям местных жителей, священники с почтением относились к “пещерам” и разрешали проводить службы в подземных храмах во время церковных праздников, т.е. считали их вполне правомочными. Рядом с алтарем церкви находился колодец со святой водой, которой пользовались для кропления паства. Монастырский комплекс действовал недолго, его обитатели погибли в военных событиях 1920-х гг.

* Работа выполнена в рамках интеграционной программы РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии», проекта «Русский этнос в Сибири: сохранение и трансформация культуры», проекта РГНФ № 04-01-00469а «Славяне в сибирском сообществе: бытование и развитие этнокультурных традиций. XVII–XXI вв.». Использованы материалы, собранные автором в ходе работы Западно-сибирского этнографического отряда (ЗСЭО) в 1990, 1997, 1998, 2000–2004 гг.

Рис. 1. Успенский собор Ачайрского Крестового женского монастыря.

Рис. 3. Спасская церковь г. Илимска. Вид с востока.
Фото Н.А. Пономарева. 1913 г.

Какова же семантика пещерных храмов, в чем заключалась “сверхзадача” строителей и пастырей, создававших подобные церковные сооружения? Чтобы понять необходимость и закономерность этого явления, нужно разобраться в особенностях освоения и понимания русскими “подземного”.

Сообщения о подземельях

Почти в каждом сибирском городе есть свои легенды и рассказы о подземном мире – тайных ходах, о существовании которых наслышаны практически все, но мало кто видел. В Куйбышеве Новосибирской обл., бывшем Кайнске, ходят слухи о каких-то старых ходах. В Тобольске рассказывают о подземельях на Софийском подворье и о подземных коммуникациях между мужским и женским монастырями, указывая их более чем 10-километровую протяженность. Томичи вспоминают о секретных “убегаловках”-катакомбах. Подземный ход, проложенный под Томью, они связывают с именем конезаводчика Кафтанчикова. Местные жители говорят, что Кафымбай, проживая постоянно в Томске, будто бы запросто гонял под Томью на тройке и внезапно появлялся в Кафтанчикове даже во время ледохода (полевые материалы автора 2000 г.). Иркутяне высказывают предположения о существовании целого подземного города (полевые материалы автора 2004 г.). Не отстают от го-

Рис. 2. Спасская церковь г. Илимска. Вид с севера.
Фото Н.А. Пономарева. 1913 г.

рожан и сельчане. Жители д. Мошнино Мошковского р-на Новосибирской обл. уверены, что между сохранившимся до настоящего времени бывшим домом священника и ныне не существующей церковью под землей вырыт ход, где спрятано золото (полевые материалы автора 2002 г.).

Интерес к подземным ходам везде подогревается рассказами о спрятанных там сокровищах, предпринимаются попытки проникнуть в завалы и обнаружить клады. Часты рассказы о том, что в погребе каждого старинного дома зарыт клад. В д. Мамоново Маслянинского р-на Новосибирской обл. старожилы-сибиряки сообщили, что при закладке дома под правую его сторону, где должен располагаться передний угол, обычно клали деньги, а богатые люди закапывали горшки с золотом. Поэтому были распространены поверья, что “дом постареет, иструхлявится, а в нем золота полно” (полевые материалы автора 1997 г.). Чалдоны, живущие в д. Старобибово Болотинского р-на Новосибирской обл., уверяли, что старики в прежние времена не только клали монеты под углы окладного венца дома, но и зарывали клад на “срок”, который в назначенное время должен появиться – “сам выйти”. Его в этом случае нужно ударить левой рукой, он тогда “рассыплется–раскроется”, т.е. станет доступным (полевые материалы автора 2002 г.).

Фантастическим рассказам настоящего времени предшествуют полулегендарные сведения прошлого. Псковская летопись повествует о том, что в декабре 1547 г. Иван IV, находясь в Новгороде, узнал, что в башне Софийского собора хранится со временем князя Владимира древняя казна. По словам летописца, приехав ночью в собор, Иван “нача пытать про казну ключаря Софийского и пономаря и много мучив их”, но не мог ничего добиться, т.к. они не знали о спрятанных сокровищах, тогда “приде сам князь великий… повеле стену ломати, и просыпися велие сокровище, древние слитки и гривны и в полтину и в рубль, и насыпав возы, и послал к Москве” (цит. по: [Каргер, 1980, с. 84]). Из подобных сообщений яствует, что люди связывают подземный мир с тайной и чем-то исключительно ценным. Особый интерес привлекают церковные подземные кладовые, поскольку, как известно, издревле храмы служили хранилищами казны и сокровищ, накопленных за многие столетия. Роскошь убранства церквей создавала недвусмысленное впечатление о неисчислимых богатствах в их владении. Переписные книги XVII–XIX вв. с описями имущества сибирских церквей не могут не поражать количеством и разнообразием утвари, облачения, мебели, икон с драгоценными окладами (см., напр.: ГУТОГА. Ф. 57. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–30 об.).

А в действительности каким образом и для каких целей использовалось подземное пространство?

Виды подземных сооружений на территории России

Человечество издревле осваивало не только поверхность земли, но и подземное пространство, использование которого известно практически на всех континентах: делались выработки для добычи полезных ископаемых, создавались оборонительные, транспортные, хозяйственные, жилые и культовые сооружения. В Сибири к самым древним подземным сооружениям можно отнести естественные пещеры, расширенные или благоустроенные иным способом. Они известны на Алтае. Не менее древними являются могильные подземные сооружения.

В Киевской Руси с развитием городов широкое распространение получили подземные крепостные сооружения – ходы водозaborные, слухи, лазы и т.д. Русь переняла фортификационный опыт Византии и через нее античный и европейский. Укрепленные пункты (города, крепости, монастыри) не обходились без подземных оборонительных сооружений, о чем говорят, в частности, распространенные названия башен кремлей – Водовзводная, Тайницкая, Тайцкая, – в которых располагались тайные ходы к водоему или сам источник. Подземные оборонительные ходы (в т.ч. и водозaborные) имел каждый из городов, окружавших Москву: Ярославль, Ростов Великий, Сузdal, Тверь, Калуга, Ржев, Можайск, Веряя, Волоколамск, Переяславль, Таруса, Кашира, Алексин и др.; оборонительные подземные системы были в Троице-Сергиевой лавре, Иосифо-Волоколамском и Симонове монастырях в Московской обл. [Слухин, 1991]. Под влиянием московской традиции были построены крепости с подземными сообщениями в Муроме и Елабуге. Известны подземные ходы в Галиче, Угличе, Нижнем Новгороде, Вятке (Кирове).

Существует множество легенд о грандиозном комплексе подземных сооружений Москвы, создававшемся с XV в., но есть и реальные подземные ходы, например, в Кремле и Китай-городе. Развитую сеть подземелей имели московские монастыри: Новодевичий, Симонов, Донской, Чудов и др.; найдены подземные сообщения Боровицкого холма (под “домом Пашкова”), рядом с храмом Христа Спасителя, хозяйствственные подвалы Солянки и Замоскворечья [Там же].

В России были распространены усадебные ходы, которые сооружались во владениях состоятельных людей – дворян, купцов, промышленников – для скрытного перемещения, хозяйственных нужд, а также для развлечения (т.н. потешные ходы). Широко известны парковые подземные ходы в Гатчине (Ленинградская обл.) и Воронове (Московская обл.), в имении Дашковой в с. Троицком (Калужская обл.) и екатеринославском дворце Потемкина. Были усадебные ходы в уральских и сибирских городах.

И опять-таки был причудливо переплетается с вымыслом. По преданию, гигантские подвалы екатеринбургского дома Растворгева, соединенные с отдаленными участками города разветвленной системой подземелей, служили надежным убежищем преследуемым властями староверам (полевые материалы автора 2004 г.).

Среди подземных сооружений значительное место занимают культовые, к которым относятся т.н. пещерные города или монастыри и святыни. Катакомбная церковь, где культивировался в убежищах-пещерах, зародилась в раннем христианстве. На Руси, а затем в России, сооружались подземные храмы и монастыри, но полностью пещерных монастырей не было, "пещеры" являлись частью общего комплекса. Наиболее известны подземные лабиринты Киево-Печерской лавры. С X в. началось возведение подземных сооружений в Чернигове. Нельзя не упомянуть о нижегородском подземном монастыре игумена Дионисия (XIV в.) [Там же, с. 41]. С XV в. существует Псково-Печерский монастырь с пещерными некрополем, храмом и кельями. На р. Плюссе в Псковской обл. есть культовый подземный ход – Новые Печеры. В Сланцевском р-не Ленинградской обл. известна небольшая культовая пещера Монашка. Подобные подземные сооружения имеются в Новгородской (Святые горы) и Тульской областях. Существовали монастырские подземелья в Сарове и Рузе [Там же, с. 62]. На территории Пензенской обл. и сопредельных районов соседних областей широко развиты культовые пещеры. Некоторые из них использовались официальной Русской Православной Церковью, например, пещера Троицкого монастыря в г. Наровчате. Пыскорский монастырь также имел сооружения катакомбного типа. Множество подземных культовых сооружений принадлежало староверам, скрывавшимся от притеснений власти. В верховьях Большого и Малого Иргиза (Саратовская обл.) в XVII в. формировался старообрядческий центр, размещавшийся в пещерах и шахтах, вырытых на склонах. Здесь находились подземные молельни, школы, скиты и жилища [Там же, с. 63]. Очень большие убежища были устроены в XVI–XVII вв. у г. Чигирина Черкасской обл. Там же действовал Мотронинский пещерный монастырь. Есть подземные монастыри и в других районах Черкасской обл. – Успенский Ирдинский Виноградский, Жаботинский Онуфриевский.

Троицкий собор в Верхотурье, представлявший ядро деревянной крепости, существовавшей до начала XVIII в., имел развитую систему подземных сооружений. Подземный ход, начинавшийся из алтаря, вел за крепостные стены. На территории верхотурских мужского Николаевского и женского Покровского монастырей также находились подземные ходы и церковь-крипта, где совершались христианские таинства и, возможно, были спрятаны

ны церковные ценности. Совершенно фантастична легенда о подземных связях этих монастырей. В нее трудно поверить как из-за сильно пересеченного рельефа местности, так и вследствие большого расстояния между ними – ок. 15 км (полевые материалы автора 2002 г.).

Из далеко не полного обзора подземных сооружений России, и в частности Сибири, следует, что подземное пространство успешно использовалось в различных целях прагматичного характера. Устройство таких коммуникаций и тайных хранилищ было обычным для русских. Защищенные естественным образом подземелья имели статус убежища, обеспечивавшего сокрытие и спасение, что для старообрядцев имело прямой смысл, поскольку они были вынуждены тайно отправлять службу и просто прятаться. Показательно, что на территории Сибири традиции устройства "пещер" сохранялись в течение длительного времени.

Следующий вопрос: имеет ли понимание подземного пространства русскими только утилитарную основу, особенно в сфере сакрального?

Символическое истолкование пещер в культуре русских

Можно заметить, что в упоминаниях о культовых подземных сооружениях настойчиво повторяется смысловая связь пещер, убежища, тайны, алтаря церкви. Конечно, сложно назвать более простое и надежное для человека естественное убежище, чем пещеры, служившие ему домом еще в палеолите. Но не менее значима духовная защита, что выражено в христианском вероучении так: "Господь – твердыня моя, и крепость моя, и избавитель мой. Бог мой – скала моя; на Него я уповаю; щит мой, рог спасения моего, ограждение мое и убежище мое; Спаситель мой, от бед Ты избавил меня!" (2 Цар. 22: 2–3). Церкви, будучи домом Бога на земле, стали пониматься как убежища, способные оградить людей от врага. Д.Я. Резун нашел документы о сожжении жителей сибирской Белослудской слободы, закрывшихся в церкви во время нападения калмыков. Он справедливо замечает, что, осваивая территории за Уралом, русский народ как бы заново переживал свою историю [Резун, 1993, с. 100], поскольку так же встретили свою смерть в горящем соборном храме владимирцы, надеявшиеся спастись от набега Батыя (за 400 лет до сибирской трагедии – в 1237 г.).

Обоснованно исследователи увидели символическое истолкование пещер как женской утробы или вагины [Dragan, Ioan, 1996, р. 72–75; Любимова, 2001, с. 536], хранящей и рождающей детей. Отзвуки связи пещер и мотива рождения, перехода к новой жизни

Рис. 4. Несение тела Христа. Миниатюра IX в. из Хлудовской Псалтыри.

можно усмотреть и в библейских преданиях. Известно, что до XVIII в. в Русской Православной Церкви за неделю (17 декабря) до праздника Рождества Христова совершался обряд “Пещное действие”. Обряд иллюстрировал ветхозаветное сказание о том, как царь Навуходоносор за отказ от поклонения идолу вверг трех отроков в огненную пещь (печь), которая их не опалила. Аллегорический смысл “Пещного действия” заключен в том, что божественный огонь, не коснувшись естества Девы Марии, явил рождение Иисуса, семантически связав его с пещью: “Чуда пречестивенного росодательница изобрази пещь образ, не бо яже прият юныя, яко ниже огонь божества девы, в ню же вниде утробу” (цит. по: [Белобородова, 1995, с. 167]). В свою очередь, очевидна соотнесенность образов печи и пещеры. В рождественских песнопениях элементы небесного первомира переносятся на землю, куда перемещается и сам акт первотворения: “Небо сущу пещеру, престол херувимский девицу, ясли вместилище; в них же возложи невместимый Христос Бог”. Эта мысль повторяется неоднократно, включая все новые символы: “Эдема Вифлеем отверзе, приидите приемем сущая райская внутрь вертепа, ту бо явися корень ненапоен... ту обретеся кладезь не исчерпаем” (цит. по: [Там же, с. 168]). Нужно, видимо, напомнить, что печь, прак-

тически единственное “каменное” сооружение в деревянной избе русских сибиряков-старожилов, имитирует своей конструкцией пещеру и имеет важную знаковую функцию сосредоточения жизненной силы, обладающей целительной и объединяющей энергией [Майничева, 2000, с. 62–65].

В Евангелии от Матфея сказано о событиях, предшествовавших воскресению Христа: “И, взяв Тело, Иосиф обвил его чистою плащаницею и положил его в новом своем гробе, который высек он в скале; и, привалив большой камень к двери гроба, удалился” (Мф 27: 59–60) (рис. 4). В неканоничной, но ставшей традиционной в культуре русских пасхальной обрядности чудо воскресения издавна символизирует яйцо, ведь его известковую, “каменную” скорлупу разбивает, выходя из света, птенец.

В русских былинах также можно найти мотивы воскресения, связанные с пещерами. В одной из них говорится, что достигший преклонных лет Илья Муромец строит “церковь соборную” или “церковь пещерную”, а по окончании работы окаменевает, или, как вариант, невидимая ангельская сила уносит его в пещеры: “Да как нацял строить церкву Пещерскую, / Тутова стар и окаменел” (цит. по: [Любимова, 2001, с. 537]). Возвведенное им сооружение оказывается не только и не столько его последним пристанищем и гробницей, но аналогом евангельского гроба в скале, где было оставлено тело Иисуса до его воскресения.

Описания самосожжения старообрядцев, убоявшихся прихода антихриста после октября 1917 г., записанные в Томской обл. (д. Базой), содержат упоминания о том, что староверы “вырыли огромные ямы, бросили туда все имущество, да и сами попрыгали туда и сожглись” (полевые материалы автора 1990, 2000 гг.). Поборниками старой веры интуитивно, а может быть и осознанно, спасение для достижения жизни вечной связывалось с уходом в землю. Ведь в библейских текстах, несмотря на их противоречивость и нечеткое представление о структурированности мироздания, есть указания на то, что в преисподней, расположенной под землей, пребывают души умерших, как праведников, так и грешников [Религиоведение, 2004, с. 99].

Естественная обстановка пещер, сумрак которых рассеивается лишь специально зажженными светильниками, отвечает христианским воззрениям, основанным на высказываниях Священного Писания: “Тогда сказал Соломон: Господь сказал, что Он благоволит обитать во мгле” (2 Пар. 6: 1); “И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо слава Божия осветила его, и светильник его – Агнец” (Отк. 21: 23). Мрак пещерных храмов воспроизводится в зданиях обычных церквей, где крохотные окна служат отнюдь не для освещения

помещений. Даже сама конструкция русских деревянных православных храмов имитирует пещеру, т.к. их внутреннее пространство существенно меньше, чем кажется извне. По словам известного исследователя русского искусства И. Грабаря, “невзрачные клетушки внутренних помещений кажутся точно крошечными сердцевинами гигантских орехов, обросших невероятной толщины корой и чудовищными наростами” [История..., 1955, с. 223].

В русских деревянных церквях недаром царит полутьма, смешивающаяся с мерцающим светом свечей, создавая таинственную и торжественную атмосферу, ведь облик Господа спрятан. В книге Исход сказано: “Лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых” (Исх. 33: 20). Он окутан облаком: “... и не могли священники стоять на служении по причине облака, потому что слава Господня наполнила дом Божий” (2 Пар. 5: 14); “И слава Господня осенила гору Синай; и покрывало ее облако шесть дней, а в седьмый день возвзвал Господь к Моисею из среды облака” (Исх. 24: 16); “И явилось облако, осеняющее их, и из облака исшел глас, глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный; Его слушайте” (Мк 9: 7); “...Он поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их” (Деян. 1: 12).

В храмовом зодчестве идеи, заключенные в Библии, передавались средствами архитектуры. Так, в Священном Писании упоминалось “Святая Святых” Иерусалимского храма, наиболее потаенное отделение, которому полагалось быть совершенно пустым, не связанным с суетным миром. Пещерная культовая архитектура была характерна для замкнутых и обособленных раннехристианских общин, утверждающих свое противопоставление окружающему миру [Якобсон, 1983, с. 71]. Создатели малоазиатской архитектуры раннего средневековья стремились обеспечить в святилищах “божественный мрак”, о котором в конце V в. писал идеолог христианского мистицизма псевдо-Дионисий Ареопагит. На христианском Востоке, где был популярен мистицизм и формировались основы литургии и символики храмов, наиболее четко проявились тенденции воплощения в архитектуре отрешенности от земного [Там же, с. 61]. Продолжили традицию и христианские храмы Сирии и Месопотамии, которым были свойственны аскетизм, придавленность внутреннего пространства и глухие фасады. Идея недоступности, мистической таинственности божества наблюдается и в других древних религиях. В истории человечества известны предшественники христианского святилища-пещеры. В первую очередь, это древнеегипетские храмы, где главное культовое помещение представляло собой напоминающую небольшую пещеру комнату, в которой царил вечный полумрак.

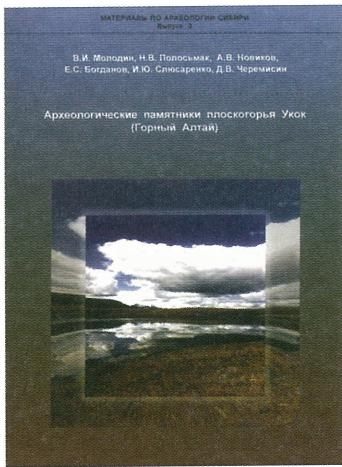
С распространением христианства на Руси пещерные храмы появляются в русской православной культуре, унаследовавшей известные с глубокой древности внешние признаки сакрального.

Заключение

Семантика пещерных церквей Сибири отражает сложный комплекс представлений, основанных на положениях Священного Писания, поддержанных архетипическим отношением людей к природным объектам и обращением к истории традиций христианства вообще и русского православия в частности. Одним из основополагающих мотивов является осмысление пещер как убежищ, вместилищ сакрального и скропенного, некоей исключительной ценности. В пещерных православных храмах и в каждой церкви устройством алтарной “пещеры” воспроизводится христианская символика божественного проявления и присутствия Бога в мире людей.

Список литературы

- Белобородова И.Н.** Символика народных и церковных обрядов святочного цикла урало-сибирского региона (XVII–XX вв.) // Сургут, Сибирь, Россия: Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 400-летию г. Сургута: Докл. и сообщ. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1995. – С. 167–182.
- История русского искусства.** – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 3. – 748 с.
- Калинина И.В.** Православные храмы Иркутской епархии. – М.: Галарт, 2000. – 496 с.
- Каргер М.К.** Новгород. – Л.: Искусство, 1980. – 246 с.
- Любимова Г.В.** Явление иконы Пресвятой Богородицы (к вопросу о некоторых особенностях религиозного сознания сельского населения Сибири) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 2001 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2001. – Т. 7. – С. 533–537.
- Майничева А.Ю.** Семантика печи в культуре сибиряков-старожилов Верхнего Приобья // Гуманитарные науки в Сибири. – 2000. – № 3. – С. 62–65.
- Резун Д.Я.** Родословная сибирских фамилий. – Новосибирск: Наука, 1993. – 250 с.
- Религиоведение.** – СПб.: Лань, 2004. – 800 с.
- Слукин В.М.** Архитектурно-исторические подземные сооружения. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1991. – 234 с.
- Якобсон А.Л.** Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры. – Л.: Наука, 1983. – 172 с.
- Dragan R., Joan A.** Symbols and language in sacred Christian architecture. – N.Y.: Edwin Mellen Press, 1996. – 136 p.

Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Сliusаренко И.Ю., Черемисин Д.В. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2004. – 256 с. – (Материалы по археологии Сибири; Вып. 3).

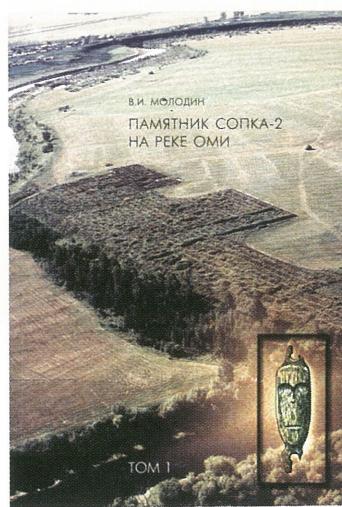
Стоймость с пересылкой по предоплате: I – 130 руб., II – 150 руб., III – 230 руб., IV – 190 руб., V – 265 руб.

ISBN 5-7803-0121-2

В предлагаемом издании реализованы актуальные задачи создания археологической карты плоскогорья Укок и постановки на учет всех находящихся на плато археологических объектов. В течение нескольких полевых сезонов на Укоке проводились разведочные работы и сплошное картографирование памятников. В результате были открыты новые комплексы, например оленные камни в урочище Аргамджи, многочисленные курганные могильники на правом берегу р. Ак-Алахи, внекурганные каменные выкладки на высоких террасах по левому берегу рек Ак-Алахи и Калгуты. Были скопированы сотни наскальных рисунков в урочищах Кара-Чад и Музды-Булак на традиционных путях миграций скотоводов на юг, в пределы Китая, картографированы остатки поселенческих, в т.ч. архитектурных, комплексов.

Разведочные работы, связанные с картографированием археологических объектов, проводились параллельно с раскопками.

В монографии публикуются полные данные об археологических памятниках на плоскогорье Укок на юге Горного Алтая у границ с Китаем, Монголией и Казахстаном, накопленные в ходе многолетних исследований, осуществлявшихся сотрудниками Института археологии и этнографии СО РАН. В ней впервые приводятся планы и подробные описания всех известных сегодня археологических памятников Укока, в т.ч. погребальных и ритуальных комплексов, а также пунктов петроглифов от эпохи бронзы до этнографического времени. Кроме этого, в книге освещаются материалы раскопок различных памятников, не вошедшие в более ранние публикации. В главе I приводится полный реестр археологических объектов на плоскогорье – курганных могильников и погребально-поминальных комплексов, ритуальных внекурганных объектов (изваяния, каменные выкладки и т.п.), хозяйствственно-жилых комплексов, наскальных изображений. В главе II дается хроностратиграфическая шкала древностей Укока от палеолита до позднего средневековья, рассматриваются динамика развития и смены археологических культур, этнокультурная история населения этого уникального региона в древности и средневековье вплоть до этнографической современности. Раскрываются этнокультурные связи населения плоскогорья, формы и типы хозяйства, особенности природопользования в зоне высокогорной степи. Книга включает большой объем иллюстративного материала, характеризующего полевые изыскания, а также археологические находки. В приложении приводятся библиографический список, а также список всех археологических памятников, зафиксированных на плоскогорье.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов неолита и раннего металла. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2001. – Т. 1. – 128 с. Резюме на англ. яз.

Стоймость с пересылкой по предоплате: I – 135 руб., II – 145 руб., III – 185 руб., IV – 175 руб., V – 215 руб.

ISBN 5-7803-0065-8

Монография впервые обобщает материалы исследований самой древней части археологических источников, полученных в ходе более чем десятилетнего изучения комплекса разновременных археологических памятников, расположенных в сердце западно-сибирской лесостепи у слияния двух рек – Тартаса, несущего воды из таежных вансюганских болот, и Оми, протянувшей свое русло вдоль открытых пространств лесостепной Барабы. В научный оборот вводятся материалы столь редких для данного региона памятников эпохи неолита и ранней бронзы. В книге дается исчерпывающая информация о всех выявленных погребальных комплексах этого времени, их культурной и хронологической принадлежности. В полном объеме приводятся сведения о составе погребального инвентаря, его основные характеристики, выявляются нюансы заупокойной обрядности популяций эпохи неолита, гребенчато-ямочной и грековской общностей эпохи раннего металла;

в составе последней выделяется новое историко-культурное образование – усть-таргасская археологическая культура. На основании серии радиоуглеродных дат предлагаются принципиально новые хронологические параметры бытования означенных эпох и культур. В книгу включены антропологические материалы, полученные в ходе раскопок, которые дают возможность создать палеодемографические реконструкции, касающиеся древнего западно-сибирского населения.